

УДК 811.511.1

НИНА ГРИГОРЬЕВНА ЗАЙЦЕВА

доктор филологических наук, заведующий сектором языкознания Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН

zaitseva@sampo.ru

ОТРАЖЕНИЕ ВЕПССКО-СЕВЕРНО-РУССКИХ КОНТАКТОВ В ВЕПССКОМ ЛЕКСИЧЕСКОМ ТЕЗАУРУСЕ

В статье исследуются некоторые отдельные конкретные следы влияния русского языка и северно-русских говоров на вепсский язык; прослеживаются судьбы некоторых заимствованных слов и их адаптация к иноязычному окружению, а также влияние народной этимологии на внешний облик слов.

Ключевые слова: вепсский, контакты, северно-русские диалекты, лексический тезаурус

Прибалтийско-финско-русские контакты исследуются уже более полутора столетий, но многие вопросы, касающиеся их конкретных проявлений в отдельных языках, далеко не всегда исследованы достаточно глубоко. Вепско-русские языковые контакты в этом отношении не являются исключением. Вепсы давно оказались в сфере влияния русского народа, русской государственности и русского языка. Полагают, что племенные группировки веси и чуди уже в первой половине I тысячелетия населяли Межозерье, пространство между тремя крупнейшими северными озерами – Ладожским, Онежским и Белым, и упоминались в русских летописях в связи с эпохальными событиями на заре становления русского государства. С того времени вепсы находились в сфере притяжения русских, и, конечно, влияние на них русского языка и русской культуры чрезвычайно велико.

Активные этноязыковые процессы и междиалектное контактирование, продолжавшиеся длительное время, как об этом свидетельствует, прежде всего, топонимика (см., например: [12; V–VI]), сказывались на вепском языке, который

с течением времени был утрачен на значительных территориях, что способствовало «прерыванию традиционных связей между вепскими центрами» [14; 42] и усилению влияния русского языка на язык вепсов, проявляясь на разных уровнях: фонетике, грамматике, синтаксисе, лексике. Фонетика вепского языка пополнилась оппозицией звонких и глухих согласных фонем, а также твердых и мягких фонем и прочими фонетическими инновациями (см., например: [29; 911–912]). Однако отметим, что грамматика вепского языка оказалась достаточно устойчивой и выдерживала натиск иносистемного языка; тем не менее синтаксис падежей, употребление глагольных времен, глагольное управление оказались в сфере активного влияния русского языка [8; 77–78]. Но наиболее мощный напор испытывала именно лексика вепского языка. Влияние было тем более интенсивным, поскольку вепсский язык большую часть своего исторического развития пребывал в бесписьменной форме. И в целом можно отметить, что во всей финно-угорской языковой семье до 30-х годов XIX века только три языка – венгерский, фин-

ский и эстонский – имели развитые письменные традиции. Ученые отмечают, что, например, редкие народы Приуралья и Сибири знали буквы. Книгу и буквы для них заменяли живые устные традиции, которые играли здесь значительно большую роль, чем у иных народов, поскольку являлись средством исторического сознания [4; 170–171]. По сути дела, то же самое относится к вепсам, у которых отсутствуют письменные памятники раннего времени [9; 5–6], [15; 105–109]. Отсутствие письменной традиции содействовало более существенному проникновению многих лексических заимствований в язык вепсов. Поскольку менялись жизненные реалии, а язык должен был обслуживать коммуникативные потребности вепскоязычного общества, то в качестве новых лексем достаточно часто выступали именно русские заимствования разного плана.

В последние десятилетия в проблему вепско-русских контактов позволяет углубиться введенная в научный оборот достаточно обширная литература, в которой богато представлен и вепский материал. Это, прежде всего, диалектный словарь вепского языка, который, на наш взгляд, является одной из лучших работ отечественных языковедов в области вепского языка [6], образцы вепской речи, изданные в России [5] и в Финляндии (см., например: [23], [24], [26] и др.), «Сопоставительно-ономасиологический словарь диалектов карельского, вепского, саамского языков» [16], «Лингвистический атлас прибалтийско-финских языков» [20]. Так, например, отдельные лингвистические карты названного атласа, два тома которого уже выпущены в свет, и их материалы, введенные в научный оборот, наглядно иллюстрируют некоторые результаты языковых контактов и их отражение в прибалтийско-финских языках, в том числе и в языке вепсов. Причем с помощью карт можно наглядно наблюдать, как шло взаимодействие народов, каким образом делился прибалтийско-финский ареал и в какой зоне тяготения находилась та или иная область. В качестве примера можно взять хотя бы один факт: одна из карт третьего тома, который готовится к выходу в свет (предполагаемый год издания – 2009), посвящена именованию понятия «брюки/штаны» в прибалтийско-финском ареале. Собранный языковой материал показал, что в нем в качестве названия данного понятия нет ни одной исконной не только финно-угорской, но и прибалтийско-финской лексемы. Интересно, что и археологические находки показывают, что, например, у вепсов была распространена длинная рубашка наподобие туники, из-за чего вепсов называли иногда «балахонниками» [1; 390]. Причем подобный тип одежды был свойствен и карелам [10; 248], [11; 29]. Как известно, в Древнем Риме штаны, которые были вначале короткими, стали употреблять воины [27; 338–350]; в Малой же Азии и в скифских находках, датируемых последними столетиями до начала нашего летоисчисления, стали обнаруживать

уже длинные штаны. Представители же прибалтийско-финских народов России начали носить длинные штаны, когда на Западе еще употребляли укороченные брюки [25; 401]. Причем у прибалто-финнов был представлен именно восточно-русский тип брюк, состоящий из трех элементов. Именования понятия «брюки/штаны» поделили прибалтийско-финский ареал на две части:

1. Языки, в которые пришли заимствования из западных, германских, большей частью из шведского языка: *housut*, *pöksyt*, *prakut* (см. [28]);
2. Заимствования из восточных, славянских языков:
 - вепс. *kadjad* (фин. *kaatjat*) < *гачи* «портки, штаны» [3; 327]; ср. прасл. **gatja* «бедро, ляжка» [18; 397–398];
 - эст. *kaltsad* < у Фасмера *колоша* «штанина» [28], [18]; в диалектах русского языка очень употребительны лексемы *калоши* «штанины; штаны навыпуск; нижние части штанов, брюк» и т. д. [17];
 - вепс., карел. *štanat-štanit* < рус. «штаны».

К группе языков, в которые проникли славянские, древнерусские и русские заимствования, относятся, прежде всего, вепский и карельский языки, а также водский, ижорский, отчасти эстонский языки. Карты, посвященные именованию понятия «брюки/штаны», показывают, где проходила граница столкновения востока и запада, включая в этом случае вепский язык в зону постоянного русского тяготения.

«Сопоставительно-ономасиологический словарь диалектов карельского, вепского, саамского языков», составленный более полутора десятков лет назад, но опубликованный по причине финансовых затруднений лишь в 2007 году, стал своеобразным прообразом для упомянутого Лингвистического атласа прибалтийско-финских языков [20], и его материал с точки зрения заимствований уже частично исследовался (см.: [7; 91–102]). В нем достаточно много заимствований. Как показал анализ, заимствованную в вепский язык лексику можно разделить на две группы: заимствования из общенародной русской лексики и заимствования из северно-русских диалектов. И те, и другие вошли в вепский язык и стали достоянием лексикографической науки, пополнив вепский лексический тезаурус. Первые проникли в язык, с одной стороны, вместе:

- с освоением понятий, которые вошли в жизнь вепсов как результат развития общества: *škol* «школа», *karandaš* «карандаш», *part* «парта», *klub* «клуб», *sel'sovet* «сельсовет» и т. д.;
- заимствованные лексемы вошли в язык как обладатели более абстрактных значений (так, исконные вепские слова *kidastada*, *kirkta*, *kerustada*, *änestada*, *heikta* и т. д. имеют более конкретные значения, как то: «кричать в лесу, голосить, драть горло, громко кричать, покрикивать» и т. д., а заимствованная лексема *kričta* < *кричать* в известном смысле покрывает весь спектр названных значений);

- значительное количество русских лексем проникло в язык вместе с освоением сферы родства и общественных отношений. Несмотря на то, что, как полагают исследователи, «терминология, касающаяся родственных отношений, была исключительно богато развита еще в финно-угорском языке-основе» [19; 42], в вепском языке появилось значительное количество заимствованных слов с названной тематикой: *priha* «юноша» < рус. *пригожий* (этимология Я. Калимы [22; 410]), *tat* < *тятя*, *tam* < *мама*, *däd'* < *дядя*, *töt* < *тетя*, *vinuk* < *внук*, *dedoi* < *дедушка*, *baboi* < *бабушка* и т. д.;
- взаимодействие народов в сфере материальной и духовной культуры также нашло свое отражение в словаре вепского языка: *čai* < *чай*, *sarafoŋ* < *сарафан*, *jupk* < *юбка*, *kartošk* < *картошка*, *kisel'* < *кисель*, *svadib* < *свадьба*, *ženih* < *женых*, *nevest* < *невеста*; рус. диал.: *anšrug* «кол» < рус. диал. *анишуг*, *ганишуг* «дрюк, шест», *ažlo* «даже» < рус. диал. *ажно* «ведь, да ведь», *panafid* «блин, которым покрывают стакан с чаем для умершего на поминках» < рус. диал. *панафида* «память, помин», *karačun* «рождественский пост» < рус. диал. *карачун* «капут, конец, смерть, гибель; солнцеворот» («день 12 декабря» и т. д.) и т. д. [3], [17];
- иногда заимствования составили некие синонимичные пары, а также способствовали сужению значения исконных лексем: например, заимствованная из русского языка лексема *navet'ŋa*, *navedida* «любить что-то» < рус. *навидеть*; данное слово могло послужить поводом для сужения значения исконного глагола *armastada* «любить»; из некоторых диалектов вепского языка он был вытеснен, а в других стал употребляться только если речь идет о сфере чувств (см. также синонимичные лексемы: *bast'a* «говорить» < рус. диал. *басить* «занимать россказнями, краснобайить» и более древнее и общепотребительное вепское *pagiŋta* «говорить»; *bask* «красивый» < рус. диал. *баской* «красивый» и вепс. и прибалтийско-финское *čota* «красивый»; *gagura* «грязнуля» < рус. диал. *гагула* «пачкун, неряха» и вепс. *čočo'i* «неряха»; *rahmanni* «добросердечный» < рус. диал. *рахманный* «довольный, в хорошем расположении» и вепс. *hüväsüddäimeline* «добросердечный» и т. д.: русские диалектные лексемы из [17] и [3].

Интересно отметить, что многие явления северно-русской жизни и их именованья, как показал анализируемый словарь, проникли не только в вепский, но и в карельский язык одновременно, свидетельствуя о важности каких-то отдельных элементов северно-русской материальной и духовной культуры для всего восточного прибалтийско-финского ареала в целом, а также о том, что это достаточно старые заимствования, например:

- кар. *kieža*, вепс. *kež* «раствор для киселя, блинов» < рус. диал. *кеж* «процеженный раствор ржаных высевов, употребляемый для киселя или блинов», кар. *boročkat*, вепс. *borkaižed*, *nabornik* < рус. диал. *наборочек*, *наборочник* «бусы, ожерелье»; кар. *komšu*, вепс. *komš* «корзина из бересты» < рус. диал. *комиша* «то же»; кар. *kosič-kosmič*, вепс. *kosic* «висок» < рус. диал. *косица* «то же»; кар. *kut'u-kuži*, вепс. *kuži* «щенок» < рус. диал. *кутя*, *кутька* «то же», кар. *travie*, вепс. *travd'a* «портить (о вещи, предмете)» < рус. диал. *травить* «портить, повреждать», *bask* «красивый» < руск. диал. *баской* «красивый», *babd'a* «повивать» < рус. диал. *бабить* «повивать, принимать», *babuk* и *obatk* «гриб непластинчатый» < рус. диал. *обабок* «гриб-подберезовик» (см.: [3], [17]). Причем последняя в данном ряду северно-русская лексема *обабок* проникла в вепские диалекты в двух формах: *babuk* и *obatk*. Она стала чрезвычайно важной для материальной культуры карелов и вепсов, где ранее употреблялись в пищу лишь пластинчатые грибы, именуемые исконной лексемой *sen'/sieni*. Заимствование северно-русской лексемы показывает, что культура отношения к грибам у вепсов изменилась, а лексема *babuk* вошла и в вепский литературный язык как единственное средство именованья непластинчатых грибов.

Достаточно много северно-русских заимствований – в уже ставшем раритетным словаре диалектов вепского языка М. И. Зайцевой и М. И. Муллонен [6]. Интересна судьба многих заимствованных диалектных лексем. В вепском языке они могли стать единственным средством именованья той или иной реалии, приобретя тем самым некий иной, новый, если так можно выразиться – более высокий и абстрактный статус, войдя в общенародный язык, а также и в вепский литературный язык, письменность которого была возрождена в 1989 году. Такова судьба северно-русских диалектных лексем: *gaved'* «гадость» [17] > вепс. диал. и лит. *gaved'* «насекомые» и *животы* «домашний скот» [17] > вепс. диал. и лит. *živatad* «животные». Названные лексемы приобрели в вепском языке статус именованья целых классов – «насекомые» и «животные». Вполне возможно, что в вепском языке ранее отсутствовали именованья классов животных, либо их классификация была несколько иной. Исследовательница вепской мифологии И. Ю. Винокурова рассматривает деление фауны вепским народом на виды и подвиды в том же ракурсе, как это принято у русских, выделяя птиц, зверей, змееобразных, рыб, насекомых и т. д., не особенно обращая внимание на существующую в языке номинацию [2] и на полное отсутствие в вепском языке собственных общих именованья для различных классов. Думается, что язык в этом отношении подсказывает несколько иное понимание данной проблемы: мож-

но предположить, что для вепсов было характерно трехчастное деление животного мира:

1. Все, что на небе, *lindud* «птицы»,
2. Все, что под водой, *kalad* «рыбы» (отметим, что это действительно исключительно древние исконные не только финно-угорские, но и уральские лексемы),
3. Все, что рядом, на земле, нужное и ненужное, не обладало особым именованием классов. Здесь можно, несомненно, согласиться с мнением известной финской исследовательницы прибалтийско-финских языков Кайсы Хякиннен, что древние прибалто-финны (да, очевидно, и многие иные народы) давали именованию вначале тем животным, в которых была исключительная потребность. Многие мелкие животные и насекомые оставались без наименований, поскольку не было нужды говорить о них конкретно; человек был просто потребителем. Наши предки не утруждали себя в выводах, является ли этот прибрежный кулик того же самого вида и рода, что и другой, который живет на болоте, поскольку ни тот, ни другой не имели совершенно никакого значения для их повседневной жизни. Зато необходимые животные могли иметь от нескольких до нескольких десятков именовании, в том числе и табуированных [21; 40]. С течением же времени под влиянием окружающего мира представления о нем изменились, и вепсам в попытке выстроить систему именовании, параллельную культуре соседнего народа, потребовались названия видов и подвидов, что и было компенсировано в языке отчасти русскими диалектными заимствованиями.

Диалектная лексика, вошедшая в вепские диалекты и отчасти включенная в развиваемую на современном этапе письменную традицию языка, показывает, что отдельные лексемы вошли в вепский язык достаточно давно, и в русском языке они уже в какой-то степени изменили свое значение:

- например, существительное *opal* «печаль» и прилагательное *opalahine* «печальный» (< рус. ? *опала* «производное от слова “опалить”», у которого значение «печаль» в диалектах не обнаружено);
- *roža, rožaine* «лицо» < рус. диал. *рожа*. Лексема *рожа*, пришедшая в диалекты вепского языка (и в карельский тоже) в значении «лицо» была заимствована, очевидно, тогда, когда она употреблялась вполне позитивно в значении «внешний вид, облик; красота»: ср. древнерусское *рожаи* «вид, лицо», *рожаисть* «красивый, видный» [18; 492].

Не всегда можно найти исходный для заимствования материал, поскольку именно в заимствующем языке могли произойти изменения, которые отчасти могли быть вызваны народной этимологией. В качестве примера можно привести южно-вепскую лексему *nabolad* «брусника». Иногда ее этимологически связывали с вепской же лек-

семой *bolad* в том же значении, но удивление вызывает приставка *na*, нехарактерная для языка вепсов, где приставки отсутствуют. Только более глубокий анализ позволил предположить, что *nabolad* – это возможное русское диалектное заимствование < *наболоть* «болотистое место» (ср. также *наболотень, наболотник* «болотное сено» и т. д.: см. [17]). А уже вепская лексема *bolad* (в большинстве вепских диалектов «брусника»), известная носителям языка и употребляемая в южно-вепском диалекте в значении «ягоды», могла повлиять на внешний облик заимствованной русской диалектной лексемы *наболоть*, и она изменила свой внешний облик именно в данном направлении (*nabolot' + bolad = nabolad*).

Думается, что, в свою очередь, на внешний облик восточно-вепской лексемы *oluh* (это вепсы Вологодской области), которая важна в свадебном обряде, поскольку обозначает одну из центральных фигур свадьбы – жениха, могла повлиять русская лексема *олух*, употребляемая в диалектах в значении «упрямец, неслух, лентяй, ленивец; простак» [17], [3]. В современном языке восточных вепсов *oluh* обладает значением «жених, возлюбленный». Здесь мы имеем обратное влияние – уже русская лексема могла повлиять на внешний вид вепского слова, которое некогда могло иметь совершенно иной облик (ср., например, прибалтийско-финское *ylkä* «жених» или что-то этимологически иное, что пока не поддается раскрытию). Отметим, что восточно-вепские говоры (говоры Вологодской области) характеризуются тем, что они наиболее полно сохранили свадебную терминологию (ср.: древнейшее слово для названия свадьбы *sai*, которое ушло из всех других говоров вепского языка и из родственных языков; *neičiine* «невеста»; *kozita* «сватать»; *kozimehed* «сваты»; *mända mehele* «выйти замуж» и т. д.), и выпадение из нее именовании центральной фигуры свадебного обряда объяснить невозможно. Думается, что здесь мы имеем дело именно с изменением облика вепского слова под влиянием русского; такую метаморфозу с внешним обликом древнего вепского слова могло содействовать русское влияние.

В некоторых случаях сложно определить направление заимствования. Например, у вепского существительного *čibu* «качели» и глагола *čibuda* «качаться» в русских диалектах можно обнаружить лексическое соответствие – глагол *чибудать*: *чибудать ребенка* «качать ребенка у себя на ногах» [3; 399]. Однако кроме уже названных вепских лексем *čibu-čibuda* в карельском языке и в финских диалектах Ленинградской области употребителен глагол *siiputtaa*, который употребляется также, когда речь идет о раскачивании ребенка на ноге, кроме того, есть и иные соответствия. Поэтому не исключено и обратное направление заимствования. Общеупотребительный в вепских диалектах, но отсутствующий во всех иных прибалтийско-финских языках глагол *čapta* «резать, рубить» можно сравнить с русским диалект-

ным глаголом *чани́ть* «нагибать, наклонять боком, кренить» [3; 382]. Однако в диалектах саамского языка также существует исключительно близкий по звуковому облику и значению глагол *šiohprēd* «резать» (см. [16; 226]), который вполне мог стать источником для появления в вепских диалектах лексемы *šarta*, тем более, что, как полагают исследователи, в субстратном доприбалтийско-финском языковом наследии «среди этимологически затемненных, генетически неясных на сегодняшний день явлений выделяется ряд фактов, интерпретирующихся на саамской почве» [13; 179–180], что относится, в том числе, и к лексике вепского язы-

ка. Поэтому судьбу названных лексем, как и очень многих других, еще предстоит решать.

Контактирование – явление немолодое, и вепский язык может пролить свет на историю отдельных русских лексем, которая, возможно, была несколько иной. В заключение отметим, что лексика, вошедшая в вепский язык из общенародного русского литературного языка, а также из его диалектов, стала достоянием вепского словаря, а в период заложения основ вепской письменности и создания основ вепского литературного языка она существеннополнила вепский лексический тезаурус.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Винокурова И. Ю. Вепсы: Одежда // Прибалтийско-финские народы России. М.: Наука, 2003. С. 388–396.
2. Винокурова И. Ю. Животные в традиционном мировоззрении вепсов. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2006. 447 с.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. М.: ОАО ПФ «Красный пролетарий», Олма-Пресс, 2006.
4. Домокош П. Формирование литератур малых уральских народов. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1993. 288 с.
5. Зайцева М. И., Муллонен М. И. Образцы вепской речи. Л.: Наука, 1969. 296 с.
6. Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепского языка. Л.: Наука, 1972. 745 с.
7. Зайцева Н. Г. Пути освоения русской диалектной лексики (на материале Сравнительно-ономасиологического словаря диалектов карельского, вепского и саамского языков) // Вопросы финно-угорской филологии. Вып. 5. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1990. С. 91–102.
8. Зайцева Н. Г. Вепско-русские языковые связи // Контактологический энциклопедический словарь-справочник. Вып. I: Северный регион. М.: Изд-во «Азъ», 1994. С. 71–80.
9. Зайцева Н. Г. Вепский глагол. Сравнительно-сопоставительное исследование. Петрозаводск: Периодика, 2002. 286 с.
10. Клементьев Е. И. Карелы: Одежда и обувь // Прибалтийско-финские народы России. М.: Наука, 2003. С. 241–250.
11. Муллонен И. И., Азарова И. В., Герд А. С. Словарь гидронимов юго-восточного Приладожья. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1997. 193 с.
12. Муллонен И. И. Топонимия Присвирья: проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2002. 353 с.
13. Муллонен И. И. Этнокультурный потенциал вепской топонимики // Studia Slavica Finlandensia, XXIV. Helsinki, 2007. С. 31–56.
14. Муллонен М. И. Вепская письменность // Прибалтийско-финское языкознание. Л.: Наука, 1967. С. 105–109.
15. Сопоставительно-ономасиологический словарь диалектов карельского, вепского и саамского языков / Под общ. ред. Ю. С. Елисеева, Н. Г. Зайцевой. Петрозаводск: РИО КарНЦ, 2007. 346 с.
16. Словарь русских народных говоров. Вып. 1–37. М., 1965–2003.
17. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: Пер. с нем. Т. 1–4. М.: Прогресс, 1986–1987.
18. Хакулинен Л. Развитие и структура финского-суоми языка: Пер. с фин. Ч. 1. М.: Наука, 1955.
19. Atlas Linguarum Fennicarum, I–II. Suomalaisen Kirjallisuuden seuran Toimituksia, 800. Helsinki, 2004–2007.
20. Häkkinen K. Eläin suomen kielessä // Eläin ihmisen mielenmaisemassa. Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia, 885. Helsinki, 2002. S. 26–62.
21. Kalima J. Slaavilaisperäinen sanastomme. Helsinki, 1952.
22. Kettunen L. Näytteitä etelävepsästä, I–II. Suomalaisen Kirjallisuuden seura. Helsinki, 1920–1925.
23. Kettunen L., Siro P. Näytteitä vepsän murteista. Suomalais-ugrilaisen seuran Toimituksia, 70. Helsinki, 1982. 193 s.
24. Manninen I. Eesti rahvariiete ajalugu // Eesti rahva muuseumi aastaraamat. Tallinn, 1921. S. 37–52.
25. Sirelius U. T. Suomen kansanomaista kulttuuria. I, II. Helsinki, 1919–1921.
26. Sovijärvi A., Peltola R. Äänisvepsän näytteitä. Suomalais-ugrilaisen Seuran toimituksia, 171. Helsinki, 1982. 171 s.
27. Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. I–III. Suomalaisen Kirjallisuuden seuran Toimituksia, 556. Helsinki, 1992–2000.
28. Tunkelo E. A. Vepsän kielen äännehistoria // Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia, 228. Helsinki, 1946. 922 s.